

Сыну Максиму

Жизнь тянулась, как сигарета:
и себе, и другим во вред.
Вдруг призвал меня Бог к ответу:
«Что ты сделал за столько лет?»

«Я писал!» — «Это может каждый!»
«Но я в рифму!» — «А всё равно,
никому поэтической жажды
от рождения не дано.

Предназначенность каждого в мире
не в стихах, а в чём-то ином.
Дом построил?» — «Живу в квартире...»
«Но квартира, увы, не дом.

Сына вырастил?» — «Только дочку...»
«Всё, порвалась фамилии нить!
Почему ты поставил точку?
Мог бы сына теперь растить!»

Чтоб развеять мой сон и скуку,
чтоб я понял, зачем я жил,

Бог в мою грубоватую руку
вдруг ладонь малыша положил.

И в ладони ладонь сжимая,
принимая благую весть,
постепенно я понимаю:
смысл в жизни всё-таки есть.

ПОЭТУ

Быть может, мы не поняли его.
Быть может, мы поймём его едва ли.
Но он писал совсем не для того,
чтоб мы его сегодня понимали,
а для того, чтоб мы его читали,
почувствовав суть истины иной,
той, о которой — не подозревали.
Но в нас она натянута струной.
Чтоб он сумел, пройдя через века,
пусть до конца не понятый, быть может,
струны любой дотронувшись слегка,
вдруг сделать нас и чище, и моложе.

* * *

Мы с тобою странная пара:
Ты татарка, я – русский поэт.
Ах, как часто влюблялись в татарок
Мужики, не предчувствуя бед.

У тебя в каждом сказанном слове
Десять смыслов – попробуй понять.
То от злости нахмуришь брови,
То заплачешь – захочешь обнять.

А ты знаешь, мне нравится это!
Вот такую ты мне и нужна!
Потому что жена поэта
Быть, наверно, такой и должна.

Я любить тебя буду и там,
Где тебя со мной рядышком нету...
На могильном кресте поэта
Напиши «Мин сине яратам» *

* Я тебя люблю (пер. с тат.)